

М И К У О Л Л

BLACK
SABBATH

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРЕИСПОДНЮЮ!

БОМБОРА™

Москва 2020

УДК 785:929(410)
ББК 85.318(3)-8
У63

Mick Wall
BLACK SABBATH: SYMPTOM OF THE UNIVERSE

BLACK SABBATH. Copyright © 2013 by Mick Wall. All rights reserved.

Дизайн обложки: Александр Мануйлов

First published by Orion Books, London

Фото на обложке: © Mick Hutson / Redferns / GettyImages.ru

Книга на русском языке опубликована при поддержке Отдела культуры и образования Посольства Великобритании в Москве в рамках Года музыки Великобритании и России 2019

Уолл, Мик.

У63 Black Sabbath. Добро пожаловать в преисподнюю! / Мик Уолл ; [перевод с английского А. Захаров]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-107914-7

Блестящая биография Black Sabbath — такая же безумная, как жгучий темперамент легендарной группы, «жесткая» в неизбежном драматизме, как риффы Тони Айомми, крышесносная, как все то, что десятки раз заставляло великого и ужасного Оззи балансировать на волоске между жизнью и смертью. Всемирно известный музыкальный журналист Мик Уолл владеет редким даром передавать читателям уникальный стиль и настроение музыкантов, а также проводить серьезные исследования, гарантирующие самые подробные и правдивые факты из личной жизни участников.

УДК 785:929(410)
ББК 85.318(3)-8

ISBN 978-5-04-107914-7

© Захаров А. В., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается Роберту Кирби

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

ДЕТИ МОГИЛЫ

1. Я проснулся	10
2. Интервал дьявола	36
3. Приносящие войну.	60
4. Папа в петле.	82
5. Убивать себя, чтобы жить	106
6. Рожденные умереть.	134

Часть вторая

КОМУ-ТО НЕ ПОВЕЗЛО

7. Неоновые ночи	162
8. Крушение поезда.	188
9. Власть толпы	216
10. Перевернутые кресты	248
11. Расчеловеченные	274

BLACK SABBATH. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРЕИСПОДНЮЮ!

12. Спаситель.	298
13. 13	324
Примечания и источники	349
Благодарности.	350

Часть первая
ДЕТИ МОГИЛЫ

1. Я ПРОСНУЛСЯ

Они были отбросами общества и отлично это знали. Человеческим мусором с загаженных, испещренных кратерами от бомб улиц послевоенной британской глубинки под названием Астон. Изгои из Блэк-Кантри, которые не видели будущего и не могли сбежать от прошлого. Музыкальные самозванцы, которых обязательно кто-то раскроет и покажет, кто они на самом деле: худшие из худших. Шутка, которая никому не кажется смешной, особенно клоуну, который стоит на переднем плане. Ибо, как сказал бы вам Оззи Осборн без тени улыбки на меланхолично-шутковском лице, «мы были, блин, четырьмя олухами из Бирмингема, что мы вообще понимали?»

Они всегда шли не в ногу со временем. Появились слишком поздно для «лета любви», когда все тянулись к небу, и слишком рано для рок-н-рольного глэмового геноцида. Они были Black Sabbath, и что бы ни говорили о них музыкальные критиканы через много лет после того, как это перестало быть по-настоящему важным, они были самой презираемой рок-группой на планете. Одни шептались о Led Zeppelin, рассказывали об их тайной магии и ненасытной жажде власти; другие восторгались телепатической музыкальной виртуозностью Deep Purple. Хендрикс был еще жив, как и Брайан, Джим и Дженис. Рок был на вершине славы, но Sabbath... о, как низко они пали. Критики – ничего не понимающие придурки, в основном из Лондона – просто не могли найти в них ничего близкого для себя. Зато молодежь обожала их так, как могла обожать только молодежь. Так же, как курение тайком в спальне, приоткрыв окно, как воровство мелочи из маминого кошелька, как чтение порножурнала, найденного под папиной кроватью, как первый взгляд на холодное пламя ада, когда тело дрожит от чувства грязной неизбежности.

Впрочем, на концертах Black Sabbath никого так сильно не была нервная дрожь, как саму четверку музыкантов — их практически парализовывала ненависть к себе. Басист и основной автор текстов группы, Гизер, позже сокрушался: «Мы много лет искренне считали себя полным говном — пресса нас ненавидела, говорила, что мы не умеем сочинять, не умеем играть... нас ненавидели другие группы, вообще все». И это хорошо слышалось в музыке. Гитарные риффы звучали словно стук гвоздей, которые кто-то с большим удовольствием забивает в распятие, обрамленный грозowymi тучами бас-гитары и разрывающими голову ударными, а все вместе это напоминало звуки, с которыми из реки вытаскивают труп. Зловещий монотонный вокал, такой же драматичный и жалкий, как песня умирающего лебедя. **Музыка, полная заросшей паутиной тоски, самоувечий, расковыранных струпьев и визга потерянных душ. Они ходили втроем по сцене, словно зомби, с нелепыми огромными крестами и усами, а четвертый сгорал заживо на заднем плане, разрушаясь под действием собственных ядов. Объединившись, этот квартет создал пятый элемент: изрытое оспинами лицо самого жестоко изуродованного стиля рок-музыки, когда-либо посмеявшегося, воняя и истекая кровью, появиться среди нас.**

Тони Айомми был лидером. Последователь пути левой руки, не благородный оратор, не гонец, несущий послания свыше, но истинный музыкальный алхимик, непреклонный генерал, в руках которого гитара превращалась одновременно в волшебную палочку и боевую машину. Единственный ребенок в семье, которому все было позволено, Тони не принимал ответа «нет», не тратил слов попусту и не терпел дураков.

— У Тони кулаки были, б*я, как кувалды, — возбужденно рассказывал Оззи, памятуя о встречах с этими кулаками.

— Кто-то должен щелкать кнутом, — отвечал Тони, обычно с каменным лицом. — И это был я.

Именно риффы Тони заложили фундамент саунда Sabbath. Они были словно бур, пробивающийся в подземные пещеры высочайших гор до тех пор, пока не опрокинется и огромные глыбы не посыплются сверху на деревья и кусты, и по его команде небеса прорежут молнии.

За Айомми — Терри Батлер по прозвищу Гизер, которое появилось еще в детстве, когда он называл geezer («чувак») каждого встречного, взрослые смеялись и находили это очаровательным.

Прозвище сохранилось и в процессе трудного взросления вместе со всем остальным грузом из детства: потребностью в том, чтобы его баловали, гладили, обожали и постоянно подбадривали. Лучший ученик в классе, виртуозно владеющий словами, любимчик учителей, отлично умеющий избегать неприятностей – или не попадаться, что для него значило то же самое. Именно умница Гизер сочинял все тексты Sabbath, потому что, как говорил Оззи, «у Гизера замечательный мозг». Он еще и играть умел – размахивал басом как гитарой, изгибая тяжелые струны, взвешивая каждую ноту, а потом выталкивая ее вперед, как из катапульты, подобно своему кумиру Джеку Брюсу, который, по его словам, «тенью следовал за риффом вместо того, чтобы копировать его».

Потом Билл Уорд – великолепный, пусть и несколько непредсказуемый перкуSSIONист, который обожал джаз, особенно безумного Джина Крупу, и к которому всегда относились в группе как к шуту. Бедный старина Билл; его поджигали – причем не один раз и не случайно, а по привычке. Парень, которому смеялись прямо в лицо. Билл, который видел все сверху, обильно потев в задней части сцены, беспорядочно размахивая руками и дергая ногами, которому всегда не хватало дыхания, которому всегда приходилось бежать, чтобы убедительно устоять на ногах, который всегда последним узнавал то, что даже остальные, и без того узнававшие все последними, обычно знали первыми. Бедный старина Билл. Он оставался самым честным и заплатил за это самую большую цену – его пинали и опрокидывали, пока он наконец не отказался вставать.

И, конечно, Оззи – или Осси, как его кто-то глупо подписал на первом альбоме Black Sabbath. С тех пор как «Осборны» превратили его в милую плюшевую игрушку с глазами как у панды, Оззи лишился всякого авторитета, которым пользовался когда-то как рок-певец. Хотя у него и изначально-то его было не особо много – ему приходилось стоять сбоку сцены, подпрыгивая как горилла в клетке, пока в центре царил Айомми. Но было в нем что-то, что говорило тем, кто понимает, о по-настоящему нерешенной проблеме. Какое-то эхо изначального духа рока – бессвязной, туповатой беспомощности, которой невозможно научиться и которую нельзя сыграть, что-то пугающе реальное. **Средний фанат хотел быть Робертом Плантом или, может быть, Джоном Ленноном, но Оззи Осборном – никогда. Можно было стать измученной романтической душой: Родом Стюартом или даже Элтоном Джоном. Но**

совсем другое — хотеть страдать от настоящей боли, знать, что ты сошел с ума, а может, и всегда был безумен. И знать, что однажды, может быть, окончательно слетишь с катушек.

Но в глубине, подо всем этим, они были ординарными, простыми и чертовски очевидными. Почти все родились в одном году — 1948-м¹. Все выросли на одних и тех же грязных улицах, жертвы суровой послевоенной школьной системы и трущоб. Все не случайно выглядели такими похожими друг на друга и в жизни, и на сцене. Выкованные из той же темной материи, что и их музыка. Вряд ли кто-нибудь из них смог бы чего-либо добиться в любой другой группе, хотя они все отчаянно пытались, пока судьба наконец не свела их вместе в один типично непогожий день 1968 года — после закрытия фабрики, но еще до открытия пабов, когда согреться можно было только дешевыми сигаретами.

У Джона Майкла, четвертого ребенка из шести Осборнов-младших, проблемы начались с самого рождения. Он был самым захудалым из всей стайки, которая упихивалась, словно свежие трупы, в две комнатки размером с гроб в доме 14 по Лодж-Роуд. Его отец Джон Томас, или Джек, как называли его приятели в пабе, работал в ночную смену на сталелитейном заводе GEC, делая инструменты, и, соответственно, спал весь день. Ходить по дому приходилось на цыпочках, иначе отец просыпался «и давал ремня», так что юный Джон нередко фантазировал, что отец умер.

— Я пробирался в спальню и тыкал его пальцем, чтобы посмотреть, проснется ли он, — позже рассказывал Осборн. — Ну а потом он просыпался и давал мне хороших п*здюлей...

Веселый, общительный, легко утомляемый ребенок, оставлял все трудности маме Лилиан, которая, как он вспоминал, плакала, когда не могла расплатиться по счетам, а еще трем старшим сестрам, которые долго воспитывали его после смерти матери. Оззи, как его быстро прозвали на детской площадке, в итоге нашел свою нишу — школьного клоуна.

— Я всегда рассуждал так: если не можешь их побить, рассмеши. Сделай все, чтобы они были на твоей стороне. А если ты им и после этого не нравишься, сожги их дом на х*й!

Именно такой девиз, казалось, сопровождал его всю жизнь. Пусть плохие люди будут довольны, считая, что ты им ничем не

¹ За исключением Гизера, родившегося 17.07.1949 г. (прим. редактора).

угрожаешь, пусть они смеются, а ты прячешься за юбку сильной женщины. Дурацкие шутки и тупые розыгрыши – среди прочего, он ткнул теткину кошку вилкой, попытался поджечь сестру и едва не повесился на бельевой веревке – еще и служили ему средством разнообразить монотонную жизнь подростка на улицах Астона. Школа ему не давалась – результат недиагностированной дислексии. Футбол был для ребят, у которых есть на него деньги, Оззи же стал одним из бедолаг, который предлагал «присмотреть за вашей машиной за шиллинг» – соглашался за взятку ничего с ней не делать, когда местная команда, «Астон Вилла», играла дома.

Оставалась музыка, которая ему понравилась сразу; его очень интересовали тедди-бои, фанаты американских рок-н-ролльщиков пятидесятых – Джина Винсента, Эдди Кокрана и, конечно же, Элвиса доармейского периода. Тедди-бои носили огромные прически-барашки, «драпированные» сюртуки в стиле короля Эдуарда, блестящие остроносые туфли, а стальные расчески использовали вместо заточек.

– Я обожал крутиться возле кафе, куда они ходили, – рассказывал Оззи много лет спустя, когда мы сидели в одном из таких старых тедди-боевских кафе; окна были заляпаны жиром и закопчены сигаретным дымом, а где-то вдалеке пиццала старая машина для пинбола. Впрочем, даже из-за музыки у него были проблемы. – Меня отправляли из школы домой за то, что я носил остроносые туфли и синие джинсы вместо скучной серой фланели.

Школа, музыка и проблемы – именно эти три «кита» стали катализатором события, оказавшего намного большее влияние на ранние годы жизни Оззи Осборна: его знакомства с Тони Айомми. Оба учились в средней школе «Берчфилд-Роуд» в соседнем районе Перри-Барр, но людьми были совершенно разными. Оззи – отпрыск многодетной рабочей семьи, едва сводящей концы с концами, а вот Энтони Фрэнк Айомми – единственный ребенок в семье смешанного итальянско-бразильского происхождения. Зажиточная семья среднего класса с кучей родственников, которые владели кафе-морожеными и булочными на Кардиган-стрит, тогда бывшей центром итальянского квартала Бирмингема; типичная трудолюбивая иммигрантская семья, которая и развлекаться любила на широкую ногу. «Вся моя семья и дальние родственники играли на аккордеонах и барабанах. Отец играл на